

не только наседали с хвоста, но и глубоко обходили эшелоны с обеих сторон полотна железной дороги. Ввиду этого за несколько верст до Новониколаевска пришлось покинуть вагоны, при помощи высланных вперед людей раздобыть лошадей и сани и на них продолжать дальнейший, так называемый «ледяной поход».

Остававшиеся до последнего момента у эшелонов охранные команды, воспользовавшись запасами в вагонах бензина, подожгли весь состав поезда и присоединились к «понужавшему» на лошадях растрепанному Осведверху уже за Новониколаевском. Дальнейший крестный путь последнего превратился в сплошную драму.

Записки белогвардейца¹¹⁶

Приходится немного остановиться на окончившемся к этому времени Уфимском совещании. Не пытаясь дать подробной картины политического положения, предшествовавшего этому этапу исторических событий, я останавливаюсь лишь вкратце на образовании власти Временного правительства, или, как ее называли, Директории. Как известно, одновременно с образованием правительства из членов Учредительного собрания в Самаре возникло самостоятельное Западно-Сибирское правительство в Омске, Дерберское и Хорватское на Дальнем Востоке, казачьи — на своих войсковых землях.

В Западной Сибири было создано многое в смысле укрепления государственных начал в течение первого летнего периода: правительство успело организовать из людей дела и взяться за него твердо. Вологодский, ставший во главе его, Михайлов, Гришин-Алмазов, Белов и другие, работая настойчиво, сумели создать крепкую армию, освободившую Сибирь до Байкала, и в то время как Народная армия уже стала разлагаться, Сибирская была только на пути к своему развитию. Во всяком случае, на Волге из приходящих газет, а также по слухам чувствовалось, что именно в Сибири растет нечто здоровое и надежное. Отношения между Самарским и этими правительствами были не особенно дружные; центры деятельности были отдалены, и между областями чуть ли не была таможенная граница (в Челябинске).

Однако к концу лета стало ясно, что несколько правительств существовать рядом не могут, тем более что Владивосток являлся единственной для всех базой питания, и потому надо было искать какой-нибудь начала для сближения и общей работы. Это совпало с очищением от красных всей Сибирской линии до Тихого океана включительно. После долгих переговоров решено было созвать совещание в Уфе. Кон-

струкция его сейчас у меня ускользает, но, насколько помню, на нем участвовали представители всех почти правительств как казачьих, так и других, представители политических партий и национальностей, члены профессиональных союзов, учредилорцы, промышленники и союз землевладельцев. В итоге была выбрана Директория из пяти членов и столько же к ней заместителей. Это были: генерал Алексеев, Чайковский, Астров, Авксентьев, Вологодский и кандидаты: генерал Болдырев, Виноградов, Аргунов, Зензинов, профессор Сапожников. Директория должна была осуществить верховную власть во всей освобожденной области. К исполнению должности вступили: профессор Виноградов (кадет, член 3-й и 4-й думы), Авксентьев (эсер, бывший министр внутренних дел при Керенском), Зензинов и Аргунов (оба эсеры), генерал Болдырев. Последний принял звание главнокомандующего всеми вооруженными силами, взяв к себе начальником штаба генерала Розанова. Резиденцией сперва намечался Екатеринбург, однако неудачи на фронте и отход Народной армии принудили пересечь в Омск, хотя это и не соответствовало желанию Директории.

22 октября эшелон флотилии, в котором я находился, прибыл в Омск. Путь от Челябинска до Омска был пройден нами в течение $2\frac{1}{2}$ суток, то есть в 5 раз быстрее предыдущего равного с ним расстояния. Железнодорожный путь оказался свободным, и у всех отлегло на сердце. Казалось, что первая трудная часть пройдена, что мы вступили во второй фазис и окрепшей Сибири суждено стать источником возрождения родины. Как ни тяжело теперь вспоминать все прожитое и пройденное за эти два года, тем не менее Сибирский период, казалось, давал такие определенные надежды на восстановление нормальной, человеческой жизни в России, что и сейчас вспоминаешь с теплым чувством это время.

Путь до Омска был пройден нами быстро, и лишь была задержка в Куломзине (последней станции перед Омском), которая, ввиду переполнения тогда уже Омска, пропуска не давала.

Омск видом войсковых частей производил хорошее впечатление. Можно было видеть везде по улицам города марширующих солдат, которые выправкой и молодеватым своим видом говорили о дисциплине и возрождении боевой силы, без которой явно в это время Россия возродиться не могла. Это, впрочем, относится и к другим городам, как, например, Челябинску, Кургану, Петропавловску, где везде шло интенсивное обучение. По данным штаба Сибирской армии, к тому времени под ружьем насчитывалось 105 тысяч солдат и около 5 тысяч офицеров. Эта армия формировалась в течение лета 1918 года в Западной Сибири, имея первоначально (до Омска) штаб форми-

рования в Новониколаевске, состояла из двух призывных возрастов и была, в полном смысле этого слова, на высоте. По освобождении своего края, в следующий период, она перешла в наступление и к Рождеству заняла Пермь, где взяла в плен более 30 000 человек и огромную военную добычу на заводах. В марте месяце, при общем наступлении, она продвинулась вперед, достигнув в конечном итоге города Глазова Вятской губернии, и только уже после постигших неудач всей Восточной армии стала отходить назад.

Организация Сибирской армии была построена на иных основаниях, чем Народной, и в значительной степени более походила на регулярную. Сибирская армия была очень хороша, пока она состояла из одних лишь молодых возрастов, не бывших раньше на призыве, и ее успехи под Пермью были сказочны. Но тогда уже вопрос о необходимости пополнять ее, ввиду предстоящих задач, начал беспокоить правительство и ясно вырисовывалась опасность, что пополнение новыми контингентами из лиц более старших возрастов, принимавших участие в Германской войне, переживших керенщину и потому в большей своей массе деморализованных, может испортить дело.

Для смягчения этого молодым сибирским генералом Пепеляевым, героем взятия Перми, был поднят вопрос о призыве сперва сибирской интеллигенции для составления из нее известной основы, которую можно было бы в ближайшем будущем пополнить мобилизованными солдатами. Вопрос этот возник при участии общественных кругов. Он был обсужден всеми политическими группами, имевшимися в то время в Омске, после чего был внесен в совет министров, где и прошел. Однако этот план в жизнь не претворился, вследствие опоздания прибытия обмундирования от союзников, а также получения сведений о намерении красных перейти в наступление. Последнее же обстоятельство было весьма серьезно, ибо при Гражданской войне инициатива играет, несомненно, роль гораздо более серьезную, чем в обыкновенной, что и следовало учитывать, даже при сознании, что своя армия к этому не готова.

Поход, как известно, начат был блестяще. Армия, пройдя более 400 верст в течение месяца, находилась в 60 верстах от Самары, и только весенний разлив заставил ее остановиться. Последнее обстоятельство ее и погубило, ибо красным удалось, сделав отчаянное усилие, собрать ударные части со всей России — прорвать фронт к северо-западу от Оренбурга и, вырвав инициативу, остановить дальнейшее наступление всей огромной армии, насчитывавшей несколько сот тысяч человек.

Жизнь в Омске к моменту моего туда приезда была не дорога; продукты были в изобилии. (Цены примерно стояли такие: пшенич-

ный хлеб менее рубля за фунт, масло 3—4 рубля за фунт, обед в ресторанах с неограниченным количеством хлеба 4—5 рублей.) Зато с квартирами было более чем трудно. Город, вмещавший в мирное время немного более 100 тысяч жителей, должен был принять беженцев количеством, превышающим 500 тысяч, и потому буквально нельзя было найти себе места. Даже сама Директория, как и иностранные миссии, помещалась в вагонах. Мне пришлось поселиться в вагоне адмирала Колчака, только что приехавшего с Востока.

После переезда Директории в Омск, что произошло, как я говорил, в десятых числах октября, отношения ее с Сибирским правительством создались довольно странные и были мало урегулированы; все время чувствовалось, что роль Директории какая-то вымученная, неестественная. Авторитета власти у нее не было, деловитости тоже. Искать объяснения этого надо в искусственном ее создании, вынужденном компромиссе. Надо отметить, что сибирские представители на Уфимском совещании порывались неоднократно уехать, предвидя, что реальных и полезных результатов достигнуто не будет. Слишком разное представляли себе разрешение вопросов деловые сибиряки и искушенные в программах члены Учредительного собрания. Даже главнокомандующий генерал Болдырев и его штаб не чувствовали себя хозяевами в своем деле. Одним словом, вся обстановка сложилась неблагоприятно и в скором времени в поисках выхода из создавшегося положения, а именно в 25-х числах октября, был поднят вопрос о реорганизации правительства.

Тут начинает фигурировать имя адмирала Колчака. Колчак появился в Омске незадолго перед тем, проездом из Японии в Европейскую Россию. Во время остановки своей в Омске он был приглашен местными кадетами, с председателем комитета неким Жардецким во главе, а также и другими близкими к ним кругами для обсуждения общего политического положения. В конечном итоге правительством было предложено Колчаку занять сперва пост морского министра, а через несколько дней и военного. Переговоры эти затянулись в связи с общей реконструкцией кабинета более чем на две недели. Вопрос осложнился тем, что Колчак высказался категорически против сохранения эсером Роговским должности товарища министра внутренних дел по заведованию полицией, находя, что Роговский, как член партийного комитета, не должен занимать этой должности, ибо вооруженная сила, каковой является полиция, должна непременно быть в нейтральных, а не партийных руках. Этот факт я могу лично удостоверить, так как случайно мне пришлось помогать в конце октября переписывать указанные им доводы в секретном письме, адресован-

ном на имя генерала Болдырева. После долгих переговоров удалось убедить Колчака принять портфели военного и морского министра, оставив эсера Роговского на месте. Его вступление в состав кабинета, как и назначение инженера Устругова на должность министра путей сообщения, считались весьма желательными в целях поднятия известными именами престижа Сибирского правительства за границей. В состав правительства усиленно приглашался на пост министра иностранных дел и князь Кудашев, наш посол в Пекине, а также Щепин, советник посольства в Токио. Однако эти приглашения не увенчались успехом, ибо дипломаты наши предпочитали без риска, с комфортом сидеть в посольских домах.

Таким образом, было реформировано Сибирское правительство, и 6 ноября оно в обновленном составе вступило в исполнение обязанностей, имея над собой в качестве верховной власти Директорию. Во время существования Директории было много толков как в правительственных сферах, так и в печати о созыве Сибирской областной думы. В конечном итоге ее работа была признана вредной и было принято компромиссное решение о созыве ее для объявления об ее роспуске. Произвести это должен был председатель Директории Авксентьев, что и было им исполнено в Томске, кажется, в конце октября, после чего областная дума и не собиралась. Я нарочно об этом упоминаю, ибо в печати попадаются указания, что якобы она была распущена Колчаком, между тем этот факт произошел еще во время Директории, кажется, в тот период, когда еще Колчак в состав кабинета совсем и не входил.

Отношение Сибирского правительства к Директории было неясное, но чувствовалось определенно, что искусственное создание всей этой комбинации тормозит созидательную работу. Политика Директории по отношению к левым течениям, появившимся в армии, была явно нерешительна, чуть ли не благожелательна. Это отношение во всех кругах, мечтавших об укреплении и создании армии (что было вообще лейтмотивом), вызывало недовольство. Конечно, проявлялось оно более ярко в военных сферах, но и общественные круги определенно выражали свое недовольство, объясняя себе подобное поведение Временного правительства зависимостью некоторых из его членов (как Зензинова, Авксентьева) от партии эсеров, в комитет которых они входили. Это показывает, до какой степени вышеупомянутые лица не отвечали моменту. Взяв на себя такое ответственное дело, они не сочли даже нужным хоть на время снять с себя партийную зависимость. Между тем слухи и газеты, приходившие в Омск из Екатеринбургa, где основался Комитет Учредительного собрания,

говорили определенно о недружелюбном его отношении к Омску. Мало того, комитет эсеров выпустил в двадцатых числах октября листовки с призывом к вооруженной борьбе и созданию особых эсерских военных частей, как для охраны своих комитетов, так и вообще для создания своих военных ячеек, то есть, другими словами, среди антибольшевистских войск создавалось расслоение в то время, когда война с красными еще не была окончена. И на это Директория не только не реагировала, но продолжала сноситься с Екатеринбургом и давать отчет о своей деятельности центральному комитету партии эсеров. Тогда даже самым лояльным элементам казалось, что дальше идти некуда.

В результате в ночь на 18 ноября три члена Директории — Авксентьев, Зензинов и Аргунов, а также товарищ министра внутренних дел Роговский были группой офицеров во главе с казаками Волковым, Красильниковым и Катанаевым неожиданно арестованы. Молва говорила, что за их спиной якобы принимал деятельное участие в аресте министр финансов Михайлов.

Тотчас же по получении сведений о совершившемся собрался совет министров и, ввиду создавшегося острого положения и боязни эксцессов в эту трудную минуту, решил, взяв всю полноту власти в свои руки, передать ее затем в руки военного, который только один мог поддерживать порядок. Намеченных кандидатов оказалось двое: генерал Болдырев и вице-адмирал Колчак. Первый получил, однако, лишь один голос, почему Колчаку была вручена верховная власть, которую он принял после блестящей патриотической речи, произведшей огромное впечатление на всех присутствующих.

Арестованных чинов Директории Колчак хотел тут же выпустить на свободу, взяв лишь обязательство с них о немедленном выезде из пределов Сибири, на что, однако, арестованные не согласились, боясь эксцессов со стороны военных, настроение которых было повышено. Через несколько дней арестованные под иностранной охраной были вывезены в Китай. Как говорят, Колчаком было им ассигновано по 75 тысяч рублей на дорогу каждому, что по тогдашнему курсу составляло солидную сумму и на иностранную валюту. Колчак, считая недопустимым покушение на верховную власть, предал офицеров, произведших «соур d'état», военному суду, который, однако, вынес им оправдательный приговор.

Конечно, во всем этом было много неестественного, явно несообразного и логически непоследовательного, но не нужно забывать той нервной, окружающей центр политической жизни, того недоверия, которым были проникнуты многие борющиеся с большевизмом

в то время, и опасений предательства со стороны лиц, допустивших Ленина, почти без сопротивления, к власти.

Верховным Правителем Колчак признан был окраинами не сразу. Атаман Дутов, командующий Приамурским корпусом на Дальнем Востоке, генерал Иванов-Ринов, атаман Анненков ему подчинились, генерал Хорват, находившийся в Харбине, тоже его признал, выговорив лишь себе автономное положение и название Верховного уполномоченного. Но атаман Семенов и Калмыков долго боролись против его власти, не желая признавать его, и лишь к лету 1919 года этот вопрос уладился, но, конечно, это принесло немало вреда ходу последующей борьбы. В Чите была выпущена специальная брошюра (изд. русских патриотов) под заглавием «Адм. Колчак и атаман Семенов». Одна из статей этой брошюры говорит об отношении к Омску. Она озаглавлена «Что делать с Колчаком?» и гласит: «Граждане! Теперь тяжелый политический момент и не таким грязным и больным людям, как адмиралу Колчаку, быть нашим Верховным Правителем... Долой его! Сам Колчак — это олицетворение честолюбия — добровольно не уйдет, нужно его убрать... Помните, граждане, что с появлением у власти Колчака большевизм уже поднимает голову...»

Конечно, такое отношение к центральной власти служить к ее укреплению не могло. Само собой понятно, что Колчака не признал и Комитет Учредительного собрания, но фактически тогда ни территории, ни организованного аппарата, ни военной силы в его распоряжении не было, и потому сопротивление комитет оказывал лишь прокламациями, призывающими к восстанию.

Структура управления сложилась следующим образом: верховная власть была в руках Верховного Правителя адмирала Колчака (он же был и Верховным главнокомандующим), исполнительная власть оставалась у совета министров, постановления которого утверждались Верховным Правителем. Наложение им «вето» в течение зимы 1918/19 года было всего лишь два раза. Все законоположения, ассигновки и высшие персональные назначения (кроме боевых) проходили через совет министров. Центр государственного аппарата, нужно сказать, действовал хорошо, конституционные гарантии были налицо, но на местах влияние центра чувствовалось слабо; там царил произвол и дело абсолютно налажено не было.

Совет министров в течение зимы 1918/19 года был с небольшими изменениями следующий: председатель совета министров, он же министр иностранных дел — П. Вологодский (бывший эсер, сибиряк), министр внутренних дел — Гаттенберг (беспартийный, бывший страховой агент, мировой судья выборов 1917 года), министр финансов —

Михайлов (секретарь Шингарева), земледелия — Петров (беспартийный, сибиряк), министр продовольствия — Зефиров (беспартийный, сибиряк), министр путей сообщения — Устругов (беспартийный), юстиции — Старынкевич (бывший эсер), государственный контролер — Краснов (социалист), министр труда — Шумиловский (социал-демократ), министр почт и телеграфа — Щеслинский (народный социалист), военный министр — генерал Степанов, морской министр — адмирал Смирнов¹¹⁷. Управляющий делами совета министров — Тальберг (кадет). Из сотрудников, игравших более видную роль, можно назвать: доктора медицины из Томска Грацанова (партия эсеров), товарища министра внутренних дел по заведованию местным самоуправлением, генерала Хорошкина, пом. военного министра по казачьим делам (эсера), Мельникова, товарища министра продовольствия (октябриста, члена 3-й думы), Киндякова, заведующего коннозаводством (октябриста, члена 3-й думы), проф. Гинса и Сукина, товарищей министра иностранных дел, Пепеляева, товарища министра внутренних дел (кадета).

Как видно из перечисленных лиц, состав правительства был весьма разнороден, как по своим политическим убеждениям, так и по прежней деятельности. При этом надо учитывать, что в Сибири существовало стремление к самостоятельности, хотя оно было весьма незначительное, но все же известное влияние оно имело. Для выполнения высшей судебной власти и надзора за закономерностью деятельности правительства был в январе месяце учрежден Сенат. На его открытии адмиралом Колчаком и составом правительства была принесена торжественная присяга в верности родине.

Для освящения положения, восстановления экономической жизни и рассмотрения различных вопросов в области создано было экономическое совещание, состоявшее из правительственных лиц, представителей промышленных групп и кооперативов. В этой работе, в качестве заместителя председателя совещания, принимал участие бывший государственный контролер царского правительства С.С. Феодосьев.

На Востоке, как упоминалось выше, был верховный уполномоченный правительства — генерал Хорват. При нем был особый совет. Хорват, как известно, играл огромную роль на Дальнем Востоке, пользовался большой силой и в особенности вначале, после переворота 18 ноября, выставлялся группой лиц, считавших Колчака слишком умеренным, в качестве его заместителя. Репутацией он пользовался определенно крайне правой; работал в контакте с атаманом Семеновым и пользовался поддержкой японских кругов.

При объединении власти в Омске, ввиду всего этого, пришлось встретиться с этим весьма серьезным фактом, что Владивосток нахо-

дился под влиянием Хорвата, а он был нашим единственным портом с большим количеством складов самых различных технических и материальных припасов, ввезенных туда еще во время Германской войны. Снабжение фронта, таким образом, зависело от спокойствия Владивостока и вообще Забайкалья.

Самостоятельное управление было еще в Оренбургском и Уральском казачьих войсках. Управлением ведал Войсковой круг из выбранных от станиц лиц и выборный же атаман. В первом был Дутов, во втором же они менялись; известны имена Мартынова, Савельева, Толстого. В пределах Уральского войска оригинально велась война. Как только красные наседали, то немедленно призывались все очереди вплоть до стариков, но, когда общими усилиями красные изгонялись из пределов области, мобилизованные расходились по домам, до следующей опасности, когда собирались вновь.

Все эти обстоятельства, сопровождавшие освобождение страны от большевиков, во время которых образовались отдельные местные правительства, весьма затрудняли развитие и укрепление правового государственного аппарата, функционировать которому, основываясь на праве и законе, было более чем трудно. Ведь окраины не только не подчинялись признанному ими же Омскому правительству, но даже вступали, как, например, атаман Семенов, в открытую борьбу, нарушая правильность и планомерность политической жизни.

Как упоминалось выше, власть на местах была поставлена значительно хуже центральной. Правильнее сказать: власть центра на местах часто совсем не ощущалась. Представители местной власти вели свою, в большинстве случаев крайне вредную, политику. Проявление сильной, твердой власти, о которой так мечтало население, находившееся под игом большевиков, по освобождении от них области не ощущалось. Военные отряды, как и гражданская власть в небольших городах и мелких местечках, действовали по своему усмотрению, не руководствуясь ни законом, ни часто моральными побуждениями. С другой стороны, где не было твердой военной власти, шла пропаганда большевистских агентов; зачастую различные съезды кооператоров, профессиональных союзов использовались этими агентами для внесения раздора и искусственного обострения отношений.

Вообще, работа по разложению тыла шла напряженно. Чтобы не быть голословным, я приведу следующий факт: в июле месяце 1919 года в политехникуме в Москве собран был митинг под названием «Колчаковщина», устроенный Мартовым, состоящим якобы в легальной оппозиции к советской власти, конечно, с ее разрешения, если не благословения. На этом митинге фигурировал только что вернувшийся из

Сибири меньшевик «товарищ» Голосов. Из его доклада выяснилось, что он был командирован в Сибирь для образования объединенных центров социал-демократов (по-видимому, интернационалистов). Лозунгом была борьба с Колчаком. Работу свою он оценивал как весьма продуктивную, указывая на увеличивающуюся в Сибири дороговизну, недочеты, недовольство железнодорожников, на запрещение митингов, стеснение печати и т. д. Все это докладывалось, как будто в Совдепии все эти свободы имелись налицо.

Результатом подобной работы было несколько восстаний за зиму 1918/19 года и поддержка внутренних фронтов. Последние образовывались из оставшихся после очищения Сибири еще в течение лета 1918 года красноармейских банд. Их уничтожением никто не интересовался, и потому в очень короткий срок им удалось сконцентрироваться в нескольких местах, образовав так называемые фронты. В Енисейской губернии они удачно воспользовались имевшимися там латышскими выселками и удобством гористой местности при редкости населения, почему выбить их оттуда к нужному моменту оказалось не легким делом. У Благовещенска же оперировал отряд германских военнопленных численностью в несколько тысяч человек под командой полковника барона Таубе; при неудачах этот отряд уходил в Маньчжурские степи. В марте 1919 года ими были вырезаны две японские роты, численностью более 300 человек. Затем в самом Омске были два большевистских выступления, одно 20 декабря 1918 года и другое в конце января 1919 года.

Местное самоуправление в виде земских учреждений состояло из лиц, выбранных еще во времена Керенского. Срок их полномочий истекал к январю 1919 года; в связи с этим, естественно, возникал вопрос о допустимости назначения новых выборов; возникали сомнения в целесообразности в это трудное время заниматься предвыборной кампанией. Но так как с мест стали поступать заявления о желании производства новых выборов, то после обсуждения этого вопроса они были назначены на начало весны 1919 года.

Люди, принимавшие участие в политической работе, делились на местных жителей и беженцев из России. Последние появились в Сибири с отходом Народной армии с Поволжья и были преимущественно деятелями средневожских губерний. Местные сибирские группы, кроме партийных ячеек, существовавших в Сибири еще в дореволюционный период, выступали преимущественно в кооперативных организациях, а также казачьих объединениях. Группировки, имевшие значение в политической жизни страны и выявлявшиеся в печати, как то: кадеты, торгово-промышленники и союз возрождения России,

группа Единства, несоциалистическое объединение, союз кооператоров, поддерживали тесные между собой сношения, объединялись в блоки, ставя всегда задачей поддержку Колчака, заявляя ему свои взгляды на политическое положение и указывая на необходимые коррективы. Вообще надо отметить, что политическая жизнь в Сибири кипела и власть не была в том положении, в каком она была, например, в Северо-Западной армии, где в правительство попадали неизвестные для местного населения имена, а военные власти чуждались общения с какими бы то ни было группами. Но к сожалению, недостаток в государственных людях, людях опыта, могущих побороть и умерить все течения и желания, остро чувствовался.

Если Колчак, этот величайший патриот, безукоризненный человек, культурный и энергичный деятель, стоял выше всех головой, то около него лепились всевозможные авантюристы, мелкие по душе людишки, губящие своим вмешательством дело.

Давая краткую характеристику общего положения дела в Сибири с ноября 1918 года по март 1919-го, могу указать, что я лично, кроме работы в одном из министерств, принимал участие в деятельности несоциалистического объединения земских и городских деятелей России, которое считало, что оно ведет преемственность от Московского совещания общественных деятелей, собиравшихся в августе 1917 года.

Это объединение было внепартийное, но выступало на сцену довольно редко, занимаясь больше подготовительной работой по освещению общего положения дела и курса политики, стараясь парализовать неожиданные выступления и колебания отдельных лиц, поддерживая вместе с тем контакт с родственными по духу организациями, разбросанными по Сибири.

Одним из очень крупных и имевших большое значение в Сибири вопросов был вопрос притягивания помощи от иностранцев. В начале борьбы с большевиками генерал Хорват и есаул Семенов получали поддержку от японцев и стали вследствие этого в огромную зависимость от них. Когда принял власть Колчак, отрицательно относившийся к алчности японцев, проявляемой ими на Востоке, ему пришлось тут же столкнуться реально с этим вопросом и реагировать на него. Положение было трудное в том отношении, что Соединенные Штаты, а также и Антанта вообще боялись пустить в Сибирь Японию одну, обусловливая помощь Колчаку оказанием ее всеми державами сразу. Поэтому, завися от Антанты и политики наших представителей в Европе, помощи у японцев в более крупных размерах, каковую они могли бы дать, не просили. Эту точку зрения поддерживал товарищ министра иностранных дел Сукин, что оспаривалось как Семеновым, так и круга-

ми, понимавшими, что союзники своей нерешительностью, колебаниями в оказании помощи могут погубить все дело, ибо одним из залогов успеха в первый период русской Гражданской войны была быстрота, а отнюдь не длительность военной кампании. Но повторяю, благодаря давлению Антанты помощь Японии не была использована до максимума, что, конечно, имело колоссальное влияние на борьбу с красными.

Что касается экономической жизни Сибири, то, благодаря свободной торговле и имевшимся на местах продуктам, она была сравнительно удовлетворительна, но расстройство транспорта, прогрессирувавшее с каждым днем, нарушало дело, и создавшееся в начале осени положение, о котором я говорил, не могло долго держаться. Как известно, питание армии военными и техническими материалами шло исключительно с Востока по имевшейся в наличии одной линии Великого Сибирского пути. Мануфактура и вообще продукты производства, не вырабатывавшиеся на местах, тоже шли оттуда. Благодаря этому хотя все и было в наличии, но не в той степени, как это нужно было населению, мечтавшему о положении 1914 года, а кроме того, спекуляция развивалась катастрофически, поднимая ежедневно стоимость всего. Одним словом, восстановить экономическую жизнь, в полном смысле этого слова, не удалось, и надо в этом искать одну из причин неустойчивости правительства. Для урегулирования железнодорожного дела был поднят вопрос об учреждении международной комиссии под председательством инженера американца Стенвенса и при участии других союзных представителей, но вопрос этот бесконечно задерживался. Он крайне беспокоил правительство, но сгладить разногласия было весьма трудно. При этом железнодорожные служащие будировали, увеличивая этим трудности. Вот вкратце общая обстановка в Сибири в первые месяцы правления Колчака.

Что касается военной стороны дела, то сибирские войска были осенью 1918 года на правом фланге фронта, имея штаб Сибирской армии в Екатеринбурге. Войска в это время были в великолепном состоянии, молодые солдаты были выше похвал. Армией этой командовал генерал Гайда, принятый правительством на русский службу, связанный с Колчаком личными отношениями, знакомый ему по борьбе с большевиками на Востоке. Характеристики генерала Гайды дать не сумею, но, видимо, в нем преобладало авантюристическое стремление над всеми остальными. Ближайшим его помощником по военной специальности был некий полковник Богуславский, бывший некогда на Кавказе и имевший репутацию человека выдающихся военных дарований. Кроме Гайды, на северном участке славились два молодых генерала — Пепеляев и Голицын.

Так называемая Западная армия (средняя) состояла из остатков бывшей Народной. Неудачи заставляли ее постепенно отходить к Уральскому хребту, и остановилась она лишь в 60 верстах к востоку от Уфы, в районе станции Иглино. Много доблести было проявлено за этот период Ижевской и Воткинской бригадами, состоявшими из рабочих с заводов того же наименования. Это все были добровольцы, и предшествовавший красный режим сделал их ярыми антибольшевиками. Участком этого фронта сперва командовал генерал Дитерихс, а затем генерал Ханжин. Ко времени весеннего наступления 1919 года армия эта была пополнена частями из сибирских армий (генерала Голицына). Части эти хотя и были, как я указывал выше, отменными, но они, вследствие пополнения их к этому времени мобилизованными — сибиряками и пленными красноармейцами, свою боеспособность скоро потеряли.

Южная группа состояла почти сплошь из казачьих войск — Оренбургского и Уральского. Группа эта была в трудном положении, так как после падения узловой станции Кинель (октябрь 1918 года) Оренбург (вернее, Орск) должен был снабжаться гужевым путем, ибо город Кустанай, соединенный с Сибирской магистралью, находился от него в 250 верстах, что, конечно, страшно затрудняло положение. Уральск был еще в худших условиях и, в сущности говоря, был почти совсем самостоятельным.

Кроме этой западной линии, тянувшейся на 600—700 верст, был еще отдельный Семиреченский фронт, защищавший Сибирь от Туркестанской Красной армии. Там сидел атаман Анненков с 30-тысячным отрядом.

Одним из характерных явлений при борьбе с большевизмом является так называемая «атаманщина». Явление это сопровождается настоящей Гражданской войной и есть естественное следствие тех условий, в которых ведется борьба. Партизанские отряды образуются с обеих сторон и, как иррегулярные части, естественно, притягивают к себе людей, отличающихся известным авантюризмом, удалью, давая им возможность выявлять свои индивидуальные качества. На Востоке, где имеются до десяти отдельных казачьих войск, это явление получило весьма большое развитие. Поэтому, касаясь антибольшевистской войны, нельзя пройти мимо этого явления. На Дальнем Востоке самым крупным атаманом являлся, конечно, Семенов, затем известный Калмыков¹¹⁸ в Приамурье, Анненков¹¹⁹ в Семиречье, Красильников и Волков в Иркутске и еще некоторые другие. Начальники некоторых отрядов старались присваивать себе названия и титулы вроде «воевод» и т. д. Насколько полезны были эти самостоятельные отряды в начале

очищения местностей от большевиков, настолько же они осложняли при налаживающемся строе и государственном порядке политическую жизнь. Так, например, атаман Семенов, долго не признававший Омска, самостоятельно распоряжался под Читой, задерживая военные грузы, предназначавшиеся для фронта, арестовывая пассажиров, осложняя и без того сложное и запутанное положение. Другие, не столь крупные, как Калмыков, просто в этот период представляли из себя разбойников. Совладать с ними, с их своевольными шайками и добиться от них уважения к законности и порядку было почти невозможно.

О Чехословацком корпусе, игравшем в начале Белого движения на Востоке преобладающую роль, я говорил. Сперва чехи принимали в борьбе активное участие, но постепенно они начали оттягиваться в тыл с намерением отдохнуть и переформироваться, но в результате совершенно отошли от активных действий. Фактически они оставили фронт в ноябре—декабре 1918 года, а с весны на них была возложена охрана Сибирского пути.

Из других национальных формирований, принимавших активное участие в борьбе, отмечу поляков под Уфой, а затем сербов. Последние были все время выше всякой похвалы.

Французский батальон пытался выступить в декабре под Уфой, но, попав под 30-градусный мороз, потеряв большой процент замерзшими, принужден был немедленно ретироваться. Находившиеся еще в Сибири канадцы (около 5 тысяч), американцы, англичане и итальянцы участия в боях не принимали, а служили скорее моральной опорой правительству. Японцы были в Забайкалье и имели постоянные стычки с большевиками под Благовещенском и на Амуре. Об их желании или намерении принять активное участие в борьбе на Уральском фронте говорилось немало, иногда называли в правительственных сферах чуть ли не точное количество бойцов и время их выступления, но дальше разговоров и слухов это не шло.

Роль иностранных представителей все время была неясна и вносила все время массу осложнений и затруднений; стоит лишь вспомнить предательскую роль французского генерала Жанена.

Останавливаясь на положении дел в Сибири в течение зимы 1918/19 года, я не собирался нарисовать этим историческое обозрение, а лишь дать общую картину, как она рисовалась мне, выдавшему и Народную армию, и Сибирь, а затем и Северо-Западную армию. Мне приходилось в Омске ежедневно видеть людей, приезжавших с самых различных местностей, офицеров и чиновников, близко стоявших к армии и управлению, соприкасаться с политическими организациями и членами их, интимно и коротко знать людей, бывших

близкими к адмиралу Колчаку. Вся обстановка говорит, что было необычайно трудно и сложно установить какой-либо порядок по огромному пространству Сибири, делившейся на столько отдельных, самостоятельных частей, разрешавших вопросы по своим индивидуальным особенностям, мало заботясь о более далеких перспективах.

Можно одно лишь сказать, что единственно стоявшим на высоте был Колчак. Я не знаю человека, выдавшего его и не проникнувшегося к нему безграничным уважением, преклонением к его рыцарской личности. Его честность была исключительна. Энергия и желание нести с честью взятый на себя крест были очевидны.

Но есть, видимо, моменты истории, когда не в силах одного человека преодолеть окружающего. Первоначальный момент для изгнания большевиков силой был нашей мягкой, дряблой интеллигенцией упущен; следующий же период еще не наступил. Но во всяком случае, имя А.В. Колчака должно у всех любящих Россию остаться навсегда девизом честности и высокого патриотизма. Он не погиб бы так трагически, если кругом него было больше людей, действительно любящих родину и ставящих ее спасение выше всего остального.

14 марта 1919 года я выехал из Омска. На меня было возложено поручение побывать в Москве для установления связи с находящимися там государственно настроенными группами людей для ознакомления с положением в Совдепии, жизнь которой становилась все более и более для Сибири отдаленной.

Отправился в Совдепию я не один, а вместе с одним приятелем, человеком интеллигентным, бывалым, смелым, на которого можно было всецело положиться. Всякие такие эскапады сопряжены, конечно, с большим риском, и обдумать все предприятие, предвидеть все возможности поэтому дело довольно сложное. Эта задача тем более была трудна, что ничего под руками не было, помощи оказать почти никто не мог. Начать хотя бы с паспорта, отыскания адресов знакомых, надежных людей, рекомендаций для остановок и ориентировок по дороге вплоть до самой Москвы — все это лежало на нас самих, ибо различные разведочные отделения, обыкновенно опытные во время войны, тут оказывались совершенно кустарными, при этом и надеяться на состав их, быть уверенными в отсутствии предательства почти не было возможности. Приходилось быть сугубо осторожным еще вследствие того, что всякий лишний разговор, посвящение в планы нового лица подвергало возможности быть открытым большевистскими агентами, попасть под их наблюдение при переходе через фронт.

Все это, повторяю, страшно затрудняло подготовительную работу, и я без преувеличения скажу, что, решившись принять на себя ис-

полнение возложенного поручения, по крайней мере полтора месяца подготовки заставлял себя напрягать мысль к предстоящему путешествию. Ведь нужно только вникнуть в детали этого дела, чтобы понять, как оно сложно. Не говоря о полной разобщенности с тем миром, куда я шел и, следовательно, абсолютном незнании обстановки, правил порядка передвижения, предъявления документов и их проверки, еще надо было предвидеть ответы на все предлагаемые по пути вопросы, причем эти ответы должны были логически вытекать из обстановки и даваемые объяснения должны были совпадать с намерением продвигаться в известном направлении и соответствовать моему облику, профессии и т. д.

Остановились же на выборе меня и моего приятеля, как на людях, знакомых с штабной работой, а также и потому, что у меня были персональные связи с Волгой и Москвой, а у него кое-какие в других местах. Мы не являлись обыкновенными агентами, посылаемыми разведочными учреждениями в прифронтовой полосе с каким-либо одним определенным заданием, а на нас возлагалась работа по общему осведомлению, изучению, возможно более широкому, положения вещей, переговоров с компетентными людьми и кругами, авторитет которых был для Омска несомненен. Это не значило, конечно, исчерпать все и дать законченную картину, но выводы должны были быть объективными и опираться на материал, добытый у сознательных кругов, понимающих цели правительства в Омске.

12 марта, как сейчас помню — в среду, перед отъездом мы были приняты адмиралом Колчаком для получения от него окончательных указаний.

Адмирала Колчака мне приходилось видеть и раньше, до Сибирского периода, и всегда его личность производила впечатление сильными, правильными чертами лица, взглядом и решительностью во всей его фигуре. В былое время он отличался, как, между прочим, и многие из моряков (вспомните Станюковича), своей малой сдержанностью, распушенностью и горячностью в речи, но за это время, несмотря на его нервность, люди, близко знавшие его и раньше, находили в нем большую перемену. Обвинение его теперь в неустойчивости во мнениях, отсутствии якобы твердости в решениях и чуть ли не характера я объясняю лишь слишком сложной обстановкой, недостаточностью знания местных народных требований, с которыми ему приходилось на каждом шагу сталкиваться. Я, например, слышал от одного из близко стоящих к нему людей, что получить объективное освещение некоторых вопросов, как, например, в области кооперации или других практических вопросов, где государственные задачи сталкивались с местны-

ми требованиями, было весьма трудно; если прибавить еще к этому партийность, от которой деятели не могли избавиться, то станет ясной невозможность быть категоричным.

Высказав краткие положения о конъюнктуре, он нам дал поручение передать благодарность некоторым русским кругам и группам, выразившим ему доверие и солидарность в работе, а затем высказал программу, которую он клал в основу деятельности и которая сводилась к следующему.

После очищения Москвы вооруженными силами, единственно в чем он видел возможность освободить страну от поработившего ее ига, должна быть введена твердая военная власть, задача которой сводится к недопущению анархии и введению порядка, а также к защите населения от грабежей и произвола. После водворения, хотя бы относительного, порядка и спокойствия можно немедленно приступить к выборам в Учредительное или Национальное собрание, которое и установит образ Правления в государстве. При открытии Собрания, как он подчеркнул, он и возглавляемое им Правительство немедленно заявят о сложении с себя полномочий, и тогда уже будет дело Собрания решить, кому передать бразды правления до окончательного установления решения о принципах государственного Верховного Управления. Но до момента открытия Собрания, он нам сказал, власть передана никому другому быть не может, так как иначе это немедленно вызовет новую Гражданскую войну в стране, не успевшей еще оправиться от первой, и никакие претенденты допущены не будут; персональные перемены в правительстве, конечно, возможны. Тут, по-видимому, он намекал на Париж, где в это время Авксентьев и другие зашевелились и подняли голову. На мой вопрос, не будут ли допущены какие-либо выборы до падения Москвы, он заявил, что до успокоения страны считает всякие выборы и связанную с ними агитацию крайне вредной, так как она отражается на крепости и цельности армии. Его же все стремление направлено к созданию твердой дисциплинированной военной силы, могущей принести спокойствие и защиту населению. Он прибавил еще, что ему нужны честные люди, как военные, так и гражданские, и потому он просит организации, разделяющие его программу, направлять к нему живые силы, а также освещать ему положение внутри страны и не терять с ним и его правительством связи.

В заключение он нам передал кое-какие специальные указания, о которых пока не время еще говорить. Дал также поручение проехать к генералу Юденичу и дал указание относительно морского командования на Балтийском море (назвав несколько имен, как адмирала

Пилкина¹²⁰, Бахирева¹²¹, Развозова¹²²); это, видимо, его интересовало, он уполномочил нас все вышесказанное передать от его имени и, пожелав счастливого исполнения, отпустил нас. Та твердость и сила, проявившиеся в его глазах во время этого разговора, оставили во мне очень сильное впечатление, заражали своей искренностью, и я ушел от него с еще более жгучим желанием исполнить взятое на себя дело.

Повидав перед отъездом близких людей и политических друзей, посвященных в предпринимаемое мной путешествие, и получив полномочие на освещение общей обстановки нашим политическим единомышленникам, я тронулся в путь.

В это время все кругом ликовало. 9 марта пали Уфа и Чешмы, затем Бирск, Стерлитамак, и вообще успехи на фронте были огромные. Это, конечно, поднимало настроение после зимней спячки и воодушевляло всех участников Белого дела, казавшегося таким правым и справедливым.

Успехи же эти совпали с предложением Ллойд Джорджа о Принцевых островах, и казалось, что этими победами и успехами брошен ответ на его недостойное отношение к России. Одним словом, чувствовались сила и вера в себя, в возможность освобождения Москвы. Попав в вагон, пришлось нам сразу принимать меры предосторожности, чтобы своими лицами на станциях не привлекать внимание лишних свидетелей, с которыми, может быть, придется еще встретиться и на фронте, почему благоразумие требовало смешаться с толпой.

В вагоне третьего класса, в который мы попали, ехала компания пьяных офицеров, направлявшихся на фронт; она вела себя самым безобразным образом. Не говоря об их ссорах, драках с пьяными же писарем и фельдфебелем, часть из них еще везла с собой запасы сахара и другие предметы, купленные ими по более дешевым ценам в Маньчжурии и Иркутске, с расчетом перепродать все это по более высокой цене на фронте. Словом, впечатление производили они недостойное, не отвечающее офицерскому званию, что, конечно, невольно заставляло думать о ненадежности этой опоры для Колчака.

Через двое суток прибыли мы в Челябинск. В немногих верстах от него стояло несколько сот паровозов, находившихся в самом печальном состоянии. Большинство из них были так называемые замерзшие, то есть испорченные выпуском из котлов воды в сильный холод, другие стояли без труб, были и просто исковерканные. Эти остатки от прежних еще боев 1918 года или вывезенные из-под Уфы при ее сдаче представляли из себя вид какого-то кладбища, говорившего о прежнем богатстве России и указывавшего на ту колоссальную работу, како-

вую предстояло произвести, чтобы хоть немного вернуться к прежнему положению.

В Челябинске я отыскал знакомого мне особоуполномоченного Красного Креста Западной армии, князя Голицына¹²³ (бывшего самарского губернатора, погибшего затем в большевистской тюрьме от тифа), который и помог мне двинуться дальше. Работа Красного Креста шла весьма оживленно, но поражал полный недостаток всего самого насущно необходимого, как медикаментов и перевязочных средств, так и всякого другого оборудования.

Пробыв в Челябинске несколько дней, с трудом дождавшись возможности двинуться дальше, поехали на Уфу через Златоуст. В Уфе мы рассчитывали ориентироваться и получить указания для дальнейшего продвижения. Нас все время очень стесняло то обстоятельство, что мы должны были избегать выявлять свое лицо и цель, которую преследовали. Это мешало во всех отношениях, на каждом шагу; тут же в это время шло усиленное передвижение на фронт военных частей для усиления и укрепления подвигавшихся весьма быстро вперед армий, и потому вольных людей, одетых притом довольно неопрятно, ни один комендант поезда брать к себе не хотел. Попадая же в военный эшелон, приходилось слышать упреки, что одни идут умирать, в то время как другие прячутся от пуль.

Это хорошее отношение к делу и фронту, конечно, исходило лишь от частей, имевших военный вид, и от молодежи — офицеров, бывших все время в боях. Но зато, попав в эшелон запасной части, шедшей на пополнение, пришлось наблюдать совсем другую картину. Во-первых, эти части оказались совсем раздетыми; на них были не серые солдатские шинели, как на кадровых, а собственные, толстые, чуть ли не доморощенные куртки и пиджаки, самые разнообразные шапки, и главное, что было самое скверное, вместо сапог были валенки, раскисавшие от начавшейся оттепели и мокроты. А солдат все время вызывали из вагонов на самые различные погрузки и выгрузки. Как выяснилось из разговоров, это все были запасные из различных районов Западной Сибири, только что мобилизованные перед самым наступлением, — без каких-либо предварительных обучений, втягивания в военное дело, — они были просто посажены на поезда и отправлены на фронт сражаться. Это все были люди 25—28 лет, бывшие ранее на военной службе, развращенные за время войны и революции и потому явно не желавшие идти воевать. Недовольство их усиливалось еще тем, что приближалось время весеннего посева, а они по принуждению шли сражаться, не зная куда и за что. Вообще, эта картина вселила сразу в нас испуг за начатое наступление.

На одной из станций, где наш эшелон застрял, кажется в Златоусте, мы обратились к генерал-губернатору этой местности, генералу Вишневному¹²⁴, перебивавшемуся в Уфу, и через его помощника П.П. Башилова¹²⁵ мы получили место в их поезде. Однако, не дождавись его отправки, мы устроились на бронированный поезд, шедший по тому же направлению, который своим личным составом и хорошим настроением команды опять внушал доверие.

Вообще, надо было признать, что наряду с хорошими испытанными частями были и скверные, несжившиеся, не имевшие того, с чем можно было ожидать довершения дела до славного конца, избавления Первопрестольной от красной нечисти.

Что внушало еще опасение, так это значительное количество попадавшихся нам на больших станциях — от самого Омска — каких-то темных личностей с наглыми лицами, явно не принадлежащих к белым частям. Особенно подозрительны мне были некоторые из них в Челябинске, среди которых я увидал на толкучке около станций типы лиц, дающие полную уверенность, что это матросы, только снаружи снявшие с своих бушлатов отличительные знаки, сбросившие свою одежду и фуражки и только этим отличавшиеся от тех, которых можно было видеть после революции по всему Петрограду.

О своих наблюдениях мы тут же дали знать в Омск для принятия соответствующих мер через Пепеляева, заведовавшего тогда полицией, причем также указали, что по дороге от Омска у нас никто ни разу не проверял документы и небрежность в этом отношении чувствовалась большая. Характерно, как мало вообще налажено было дело и как все велось спустя рукава, что особенно поражало нас впоследствии при продвижении по Совдепии.

Я забыл еще упомянуть об обращении денежных знаков в Сибири. Ведь там, кроме царских, думских, керенок, купонов от займов, ходили еще сибирские, выпущенные правительством в конце 1918 года. Все эти деньги, например в Омске, котировались до лета 1919 года по одной цене, и лишь иногда ощущался острый недостаток в разменной монете, благодаря чему по ресторанам, парикмахерским и т. д. ходили еще свои доморощенные бонь, принимавшиеся лишь постоянными посетителями. Но по дороге в вагоне, где-то около Кургана, мне пришлось столкнуться с существованием различной расценки денежных знаков, причем сибирские, как оказалось, котировались ниже думских, которые в свою очередь шли дешевле царских. За пуд партии пшеницы, только что проданной по 22 рубля керенок, было уплачено частью по 25 сибирских, а частью 20 царскими. Это объяснялось близостью фронта, где керенки, ходившие по обе его стороны, считались

более удобными, чем сибирские, имевшие лишь одностороннее хождение. И тут большевики, не считавшиеся с населением и различными этическими и справедливыми требованиями и просто принуждавшие к исполнению своих желаний, достигали того, что преимущество было не на стороне белых.

Добравшись до Уфы, мы сделали окончательные приготовления для дальнейшего пути, остановились на маршруте и двинулись к фронту. Нам приходилось возможно торопиться, чтобы еще по снежному пути, до распутицы, перебраться через фронт и достигнуть станции железной дороги, ведущей к центру России. Положение дел указывало, что нам предстоит подняться к северу от линии железной дороги на 80—100 верст, к этому надо было прибавить обратный спуск плюс различные задержки в дороге. Я же, по опыту зная, что значит март в степных местах Поволжья, надежным снежным покровом себя не убаюкивал.

Уфа только что, две недели перед этим, была быстрым маршем отрезана от станции Чешмы (узловой пункт на линии Самара и Симбирск) и взята была, благодаря этому, без боя нашими частями, почему и железнодорожный мост через реку Белую остался в порядке. Жизнь в Уфе еще не наладилась, чувствовался во всем недостаток; базар только что начинал торговать, редкие магазины открылись, ибо торговать было почти нечем. За зиму красными все было очищено, из Сибири привоз еще не налажился, а окружающие деревни начали доставлять лишь съестные припасы. Отношение населения было к нам благожелательно, за исключением лишь части рабочих, враждебно настроенных к белым, — что объяснялось особым бережливым отношением к ним красных. Приходилось натакаиваться и на единичные случаи недоброжелательства и не рабочих. Например, везший меня извозчик жаловался, что с уходом красных ему стало хуже, при них он получал $1\frac{1}{2}$ фунта хлеба за 1 р. 20 коп. и сколько-то овса для лошади, теперь же, с крушением аппарата красных, выдачи хлеба нет, базарные же цены на хлеб были сначала по 8 р. и лишь теперь спали до 4 р. за фунт. Правда, за те три дня, которые мы пробыли в Уфе, цена пала еще, но, во всяком случае, это показывало, что разрешение свободной торговли с прекращением выдачи продуктов по карточкам не могло удовлетворять ту часть населения, которая при большевиках находилась в привилегированном положении, и без принятия соответствующих мер даже в таких хлебных местах, как Уфа, это вызывало неудовлетворенность, чего упускать из виду нельзя было. Между тем этот вопрос военное начальство мало интересовало, да и обсуждения его я нигде и в Омске не слышал.

25-го мы двинулись с эшелоном дальше на Чешмы, находившиеся в 40 верстах от Уфы, куда к следующему утру и прибыли. В эшелоне повторилась та же тревожная картина с запасными, и даже еще в более резких тонах, из которой было ясно и нежелание, и даже нескрываемое, переходящее в враждебное настроение отношение к властям, принуждавшим их куда-то двигаться.

В Чешмах мы, после долгих хлопот и то только благодаря указаниям, полученным нами от частных лиц еще в Уфе, в порядке информации, с трудом нашли себе за плату возчика, взявшегося нас доставить верст за 15 к северу. Меняя так возчиков, мы проехали более 120 верст и на следующий день к вечеру прибыли в большое село Бакалы, которое уже считалось на линии фронта и в котором стояли передовые части 2-го Сибирского корпуса. Хотя наш путь совершен был в полной безопасности, непосредственно за линией белого фронта, но опять-таки, по тем же причинам, что и раньше, приходилось избегать каких-либо лишних сношений с властями, дабы меньше о себе распространяться и меньше касаться причины поездки.

В деревнях, в избах при сменах лошадей или отдыхе мы говорили лишь, что едем к реке Белой для розыска барж и учета хлеба, собранного красными у пристаней за истекшую зиму.

Татары, у которых мы останавливались, были настроены все поголовно против только что ушедших красных, рассказывали о различных хулиганствах комиссаров, притеснениях и с удовольствием описывали их неожиданное бегство при приближении белого фронта. Это настроение, по моему глубокому убеждению, как знающему хорошо характер нашего степного земледельческого населения, было вполне искренно, и я не думаю, чтобы отрицательные черты белой власти могли бы иметь в этом районе слишком большое значение. Тут же смена властей произошла так быстро, что тяготы, ощущаемые всегда в прифронтовой полосе, благодаря быстрому движению армий, перескочили через голову населения почти неощутимо.

В Бакалах мы разыскали коменданта и, открывшись ему, спросили указаний и советов, как нам двигаться дальше. Оказалось, что мы избрали правильное направление, ибо к этому моменту красные отскочили в этом месте, как не находящемся вблизи линии полотна железной дороги, далеко, и сплошной линии или деревень, занятых частями, не было. Благодаря этому перед Бакалами оказалось пустое пространство, и только разведка ходила в некоторые пункты и села, которых приходилось остерегаться.

Выезд из Бакал в сторону красных разрешался лишь подводчикам и жителям ближайших деревень. Поэтому приходилось опять лов-

читься, чтобы не возбудить подозрения у подводчиков за полученное разрешение от коменданта на выезд из села, ибо открыться местным жителям, конечно, не было никакой возможности. Подрядив подходящего мальчонку доставить нас верст за 15, мы тронулись в расчете добраться до небольшого села, где можно уже было спутать дальнейшие карты.

Этот переезд и ближайшие этапы при прохождении фронтовой полосы были для нас самыми серьезными. С одной стороны, документы белых нужны были для белой разведки и застав, а с другой стороны, эти же документы при случайном столкновении с красным разъездом губили все дело и мы рисковали головой, как шпионы.

Отличить же красных от белых, в особенности зимой, в случае неожиданной встречи, было почти невозможно, и потому приходилось исподволь, аккуратно расспрашивать население о возможности встретить кого-либо из вооруженных разъездов, дабы и принять своевременные соответствующие меры. Поэтому, удаляясь от линии фронта, мы постепенно уничтожали документы, разрывая и пуская их лепестки по ветру, оставляя лишь самые необходимые, причем держали их все время в руках, чтобы в случае опасности успеть их уничтожить.

Но с Божьей помощью первое препятствие мы одолели, и верст через 25 мы убедились, что находимся в нейтральном районе, куда белые еще не дошли, красные же за неделю перед этим в спешном порядке отступили, грозя населению по своему возвращению показать свою силу. Тут мы уничтожили все компрометирующие нас бумаги, оставив лишь при себе специально заготовленные для Совдепии.

После нескольких перепряжек мы въехали в большое село, которое оказалось тоже брошенным красными войсками и местными представителями власти, боявшимися ответственности за свою деятельность. Таким образом, село осталось буквально без всякой власти, и оно отдыхало от подводных и других повинностей. Но стоило бы лишь одной из воюющих сторон дойти до такого села, хотя бы единичным разъездам, как сейчас же сход выставил бы и подводы, и все другое без сопротивления. Это обстоятельство, именно эта легкая подчиняемость и страх за свою шкуру заставлял жителей, явно с отвращением говорящих о большевиках, замолкать при входе в избу кого-либо постороннего или соседа. С нами тоже на первых порах в избе, куда нас привез возница, боялись говорить, и лишь успокоение извозчика, свыкшегося с нами за время переезда, развязывало языки, что, конечно, еще подкреплялось верой в надежность освобождения от красного режима. По словам наших хозяев, самое страшное

для них была местная молодежь, душой преданная большевикам и потому считавшая своей обязанностью следить за настроением населения, чтобы потом выслужиться перед теми же волостными комиссарами, выказав свое усердие и причастность к делу управления и к коммунизму.

Кое-как достав лошадь, мы двинулись дальше. Не рискнув взять с собой карты местности, приходилось называть лишь более отдаленные крупные пункты, что отдавало нас во власть ямщиков, считавших себя более компетентными и авторитетными в деле беспрепятственного передвижения. Приходилось лишь высказывать желание, чтобы везли более глухими селами, где меньше риску встретить «красноармейцев» и в особенности их штабы, ибо встреча с ними, по нашему объяснению, грозила потерей времени, а весна, вступая в свои права, заметно портила санный путь и возможность свободного передвижения.

Ямщики и возчики вполне разделяли с нами желание быть дальше от военных, старались в советах со своими соседями и домашними изыскивать более спокойные места, расспрашивая только что вернувшихся подводчиков, отвозивших отступающих красноармейцев. Нам задавали только вопрос, имеются ли советские документы и в порядке ли они, потому что боялись, что при допросе не пришлось бы ответить за нас и им самим.

К вечеру же первого дня мы попали в татарское село, откуда ямщик брался нас доставить за 50 верст в село М. уезда, где у него были знакомые или родственники и где он помог бы нам ориентироваться для дальнейшего продвижения. Он убеждал нас положиться на него и не жалеть денег. Поставил самовар, наладил закуску, и мы принялись за обсуждение. Для вящего успеха мы вытащили приготовленную для подобного случая бутылку казенной водки, взятую еще в Омске, что, несомненно, должно было поддать духу нашему вознице. Момент был серьезный, и нужно было пустить все средства, имеющиеся в нашем распоряжении для достижения успеха.

Часов в 9 вечера на паре добрых коней, запряженных гусем, с колокольчиком на дуге, под неистовый лай собак, этой необходимой принадлежности всякого татарского селения, мы тронулись в путь. Повез нас ямщик действительно глухими небольшими деревнями. Подъехали, наконец, к тому селу, где предполагалось сменить лошадей; оно оказалось довольно большим, с волостным правлением и базаром. Не доезжая до села, ямщик решил остановиться и подвязал колокольчик, считая это более осторожным при въезде в околицу спящего, как думали, села. Однако во время этой остановки мы вдруг

ясно услышали по морозной ночи впереди, в селе, неистовый собачий лай и затем несколько громких выстрелов. Сомнения не было, в селе были красноармейцы.

Я начал немедленно настаивать на недопустимости въезда в него ночью, без предварительной разведки, считая, что попасть в руки шатающейся по улице, может быть, пьяной красноармейской банды было прямо безрассудно. Хотя спутник мой и сопротивлялся возвращению обратно, жалея потерянного времени, но все же удалось его уговорить вернуться в ближайшую деревушку к знакомому ямщика, черемису, дабы у него ориентироваться. Время же было около полночи.

Черемис, к которому мы приехали, рассказал, что действительно в селе стоят красные, и притом штаб какой-то крупной части, и ночью, ввиду тревожного состояния, переживаемого властями, ехать определенно не советовал, обещая наутро помочь достать лошадь. Изба нашего хозяина оказалась безобразно грязной и вонючей, но лошади после 50 верст быстрой езды настолько утомились, что благоразумие требовало ночевать.

Не найдя к утру смены лошадям, ибо по селу был объявлен десятником наряд на подводы для красноармейцев, мы решили вернуться к татарину-ямщику в исходное положение, где в переговорах и обсудить дальнейший образ действия, так как нам, по правде сказать, взятое направление доверия не внушало; мы лезли прямо в район, кишущий войсками, и обстановка говорила за необходимость держать курс более на запад, чтобы скорее выйти из фронтовой полосы. То, что нас остановил лай собак и мы не въехали в село, вероятно, спасло нас, как потом выяснилось, от весьма скверных последствий.

Приехав на следующий день на станцию, лежащую на Бугульминском тракте, мы решили ехать на Чистополь, так как под Бугульмой шли в это время сильные бои и пропуска туда не было. Здесь мы впервые встретили большевистские власти в лице пролеткульта, комманданта-матроса и т. д.

Обойдя их и предъявляя документы, мы просили пропуска на Казань; однако власти посылали нас из одной инстанции в другую, никто толком не знал, нужен ли письменный пропуск для пути, и вообще чувствовалась большая неуверенность среди начальства. Кое-как мы в итоге получили краткую записку, после чего хозяин станции согласился нам дать лошадь. Вообще, как я и позже неоднократно убеждался, связи и цельности распоряжений у властей абсолютно не было.

В «пролеткульте», который оказался на гастроли тут, нас поразили какие-то служащие там молодые девицы, одетые во все солдатское и весьма недвусмысленно заговаривавшие с нами в тесной канцелярии,

в которую мы попали. Впечатление от всей этой обстановки даже у нас, бывалых людей, создавалось весьма странное и, я бы сказал, отталкивающее.

Между прочим, на базаре открыто торговали белым хлебом, кренделями и копчеными продуктами по весьма сносным ценам. По-видимому, в этом глухом месте за истекшую зиму власти порядков своих еще ввести не успели, так как дальше по пути мы нигде ничего подобного не встречали.

По дороге, по которой мы ехали на Чистополь, пролегающей, кстати сказать, по весьма красивой местности, обсаженной еще кое-где березами Екатерининского времени, остались еще от старого цензового земства ямские станции. К этому времени они переходили в ведение уездной советской власти, и хозяева-ямщики в один голос говорили, что они не дождутся нарушения с ними контрактов, которые были заключены раньше и которые их заставляют все еще выполнять, а хозяйство между тем стало вести невозможно, нельзя достать корма, починить сбрую, подковать лошадь, и вообще все дело выбилось окончательно из рук, разъездов же за зиму проезжавших делегатов, ревизоров, комиссаров, эмиссаров было масса.

Проехав по тракту несколько станций, мы стали чувствовать уже некоторый надзор за проезжающими. По селам какие-то молодые люди лет 18—20, вооруженные винтовками и охотничьими ружьями, нас останавливали, спрашивали документы и хотя в результате не задерживали, но говорили, что по ночам ездить не полагается, и проявляли при этом начальствующий тон, почему мы в итоге решили добраться до первой же следующей станции, где и заночевать. На вопрос о солдатах последний нас везший возница заявил, что о них ничего не слышно, и мы со спокойной душой подъехали к ямской станции.

Это было часов в 10—11 вечера, в ночь на 1 апреля. Ночь эту я до конца своей жизни не забуду. Едва мы успели вылезти из саней у крыльца ямщика, к которому нас все еще по старой ямской традиции подвезли с колоколами, как вышедший к нам на шум новый хозяин вполголоса заявил с нескрываемой тревогой, что у него ночует в избе карательный отряд, но что, однако, теперь делать нечего, надо входить.

Хозяин провел нас сперва в черную часть избы, где мы и разделись, после чего спутник мой вошел в отделение, предназначенное для ночевки, где расположилось на полу семь человек солдат, составлявших часть отряда, начальство которого расположилось в другом конце села. Как только мой товарищ к ним взшел, красноармейцы по

его словам сразу же, как змеи, подняли головы и тут же принялись за расспросы, откуда и куда едем, зачем, по каким документам, есть ли пропуск и так далее. Немного погодя вышли и ко мне с теми же расспросами.

Наш ответ, что мы из Уфы и служебных документов на руках не имеем, им не понравился. Один из них оделся и, по-видимому, пошел с докладом в штаб. Хозяин наладил было нам самовар и, пока мы оставались в комнате одни, успел шепнуть, что отряд этот состоит из 15 человек, звери, а не люди, едут из какого-то соседнего села, где расправлялись с народом, не желавшим подчиняться их распоряжению по доставке для красноармейцев каких-то продуктов. Расправа, по его словам, была самая жестокая, подверглось избиению много жителей, и в голосе его чувствовалось негодование.

Вскоре ходивший в штаб солдат вернулся и нам резким начальствующим тоном сказал: «Ну, новые товарищи, одевайтесь» — и, подойдя к винтовкам, стоящим в углу, велел еще двум своим соратникам взять их. Те это и сделали, щелкая затворами. Я спросил тогда, далеко ли идти нам и нужно ли надевать полушубок.

У меня заработала мысль в том направлении, что, видимо, поведут на расстрел и потому если быть без теплой одежды, то, в случае и ранят, а не убьют, может быть, как-нибудь уползу, от шубы же попавшая в тело шерсть при выстреле вызовет неминуемое заражение. Тут я еще вспомнил почему-то случай с неким присяжным поверенным Малиновским, председателем Симбирской кадетской группы, который, будучи раненным во время расстрела, уполз и затем был даже в Омске обер-секретарем Сената. Получив приказание одеваться, мы оделись и вышли. Была метель, дороги не было видно, и мы пошли гуськом. Впереди шел один из конвоиров, за ним мой спутник, потом я, а двое остальных провожатых — сзади. У командовавшего была отвратительная физиономия; он был с рыжей бородой; на вид было ему лет 35.

Немного спустя, когда мы шли уже посреди села, вдруг один из шедших сзади отошел в сторону шагов на 25—30 и снял с плеч винтовку. Сообразив, что он будет стрелять, я инстинктивно замедлил шаг, дабы быть на створе с моими провожатыми (товарища же моего закрывал своим туловищем идущий впереди), и таким образом помешал стрельбе. На это оставшийся сзади меня закричал, зачем я отстаю, и скинул тоже винтовку с плеч. Тогда, возвысив голос, я твердо спросил отошедшего в сторону: «А что, товарищ, стрелять будешь?» — на что получил после минутной паузы ответ: «Нет, не буду». Я со словами «верю вам, товарищи» пошел дальше.

Вся обстановка и впечатление до сих пор мне говорят, что отошедший, безусловно, хотел стрелять, но, как часто бывает, окрик изменил психологию, момент был упущен и дело обошлось. По крайней мере, он надел вновь ремень винтовки на плечо и присоединился к нам. Придя в избу, где находился их штаб, мы застали человек пять-шесть сидящих за освещенным столом. Самый молодой из компании оказался комиссаром-коммунистом и начальником отряда. Начался разговор с осмотра документов, с повторением уже заданных нам вопросов в первой избе. Заинтересовались они в результате тем, что мы прошли фронт и едем из Уфы. Помощник комиссара, не мальчишка, по-видимому из прежних полицейских, занялся паспортами, крайне внимательно изучая их, заинтересовался подписями, заподозрив их фальшивыми, старался сбить нас переспросом фамилий и т. д. Но все это делалось так грубо, а с другой стороны, так логичны были даваемые нами ответы с мотивировкой о целях поездки к своим семьям, что мы из первой части искуса вышли совершенно чистыми. В результате комиссару надоели эти расспросы, он отвлекся нашими рассказами, как мы вырвались из Уфы, о сдаче которой белым он даже и не знал. Поэтому он отклонил предложения своего помощника обыскать нас и арестовать, а начал снимать с нас показания о белых войсках, их расположении, наименовании частей, количестве людей и т. д., которые своей общностью, конечно, существенными и вредными для дела быть не могли. Все это он внимательно записывал, видимо для донесения. Попутно расспрашивал о слухах про Колчака, его деятельности, вообще интересовался нашими сведениями о белых.

В конце концов, нас отпустили, спросили, найдем ли дорогу обратно. Кто-то из провожающих сказал: «Ну, счастье ваше, что живы остались, а небось струсили?»

Придя в избу ямщика, мы расположились было спать, как вдруг появился помощник комиссара в сопровождении рыжего и еще какого-то другого товарища и заявил, чтобы мы показывали все наши вещи, что они произведут обыск. Вновь потребовали документы. Этот обыск был верхом тщательности. Они вывернули абсолютно все, прощупали каждую складку одежды, раздели догола, высыпали чай, сахар, табак, одним словом, в течение 3—4 часов так обыскали наш незатейливый багаж, что мы могли быть спокойными после, что чего-либо компрометирующего на нас абсолютно нет. Измучив нас вдоволь, отчего заплакала даже с жалости находящаяся в соседней комнате хозяйка дома, нам позволили лечь спать, а мучители ушли.

При обыске у нас не взяли ничего. К счастью, денег с нами было немного, у одного тысячи четыре, у другого около пяти. Это было

нами предусмотрено, так как мы понимали, что большое количество денег наводило на нас подозрение, а также и вводило в искушение. Зарились они все на имевшуюся у меня $1/2$ бутылки коньяку, но, разыгрывая из себя честных, неподкупных коммунистов, они отбирать ничего не хотели. Да думаю, и многочисленность их, считая и находившуюся в комнате их команду, удерживала их от конфискации.

Наутро, чуть свет, пока еще солдаты спали, мы двинулись дальше. Пока мы собирались, к нам вышел один из красных, с виду совершенно деревенский парень, и в разговоре начал плакаться на судьбу, что эта жизнь ему опротивела, что служба его угнетает и он ждет лишь случая, как бы от нее избавиться, уйти домой в деревню. Говорил это он искренним тоном, видимо, действительно эта служба ему опротивела.

Приехали на следующую станцию. Наш новый хозяин принял большое участие в пережитом нами ночью, кляня на чем свет стоит карательный отряд, передав, что солдаты, поступающие в него, приносят присягу, расписываясь кровью, что не будут жалеть родного отца и мать и т. д., рисуя людей, идущих на такого рода службу, как самых отъявленных негодяев. Характеристику эту по отношению к карательным отрядам приходилось слышать мне не раз и впоследствии.

Выяснилось тут из разговоров, что мы находимся всего в 40 верстах от того села, в которое мы было заехали накануне ночью, где, как оказалось, стоял и штаб самого карательного отряда, действовавшего в ближайшем тылу армии, и стало ясно, что нам не поздоровилось бы; спас нас прямо-таки Бог.

Последующий путь мы совершили благополучно, ехали частью большим трактом и хотя рисковали несколько раз быть обысканными, но это уже относилось к деятельности карательных застав, не пропускавших в Казань продуктов. Вся дорога от Чистополя была загромождена крестьянскими обозами, перевозившими в спешном порядке хлеб с ссыпных пунктов в степи — к Волге. Это заставляли делать большевики, опасаясь наступления Колчака, торопясь вывезти заготовленный ими за зиму хлеб к пристаням как Волги, так и низовьев Камы, рассчитывая успеть его двинуть, до занятия Волги белыми, в центральные губернии. Оставшиеся склады хлеба решено было ими сжечь, а не сдавать, для чего был заготовлен керосин. Надо при этом заметить, что, по словам крестьян, хлеб лежал под открытым небом, без подстилки, частью покрытый дырчатыми брезентами и грозил быть сгноенным от весенней сырости.

Вообще, хлебная заготовка, произведенная красными в течение этой зимы, была сделана в крупных размерах, так как вообще масштабом они никогда не стесняются. За пуд ржи платили они с доставкой от 10 до 13 рублей и навезли ее огромное количество. Но зимой за недостатком вагонов для продвижения этих запасов к центру они мобилизовали крестьянские подводы в таком количестве, что, например, в Бугульме сосредоточивалось до 9 тысяч лошадей, занятых исключительно перевозкой хлеба на Самару. Ввиду же разрушения железнодорожного моста в Сызрани они положили рельсы по льду и передвигали вагоны вручную. Знающие Волгу в этих местах поймут, что за труд и какие препятствия им пришлось при этом преодолеть, и невольно, несмотря на все презрение, с которым к ним относишься, приходится констатировать их безумную и неутомимую энергию. И не будь она направлена лишь на разрушение и переливание из пустого в порожнее, она была бы достойна подражания и со стороны белых.

По дороге мы неоднократно останавливались и ночевали в избах с возчиками, и нужно сказать, что на большевиков все поголовно ворчали. Татарское население относилось еще более определенно отрицательно к власти, ожидало с нетерпением освобождения, готово было встречать белых с распростертыми объятиями, ожидая от них облегчения в экономической жизни, ослабления режима вмешательства в уклад их деревенского обихода. Но желания проявить активную помощь совсем не было заметно; все должно было идти помимо их. И всякой новой, крепкой власти они стали бы вновь слушаться с таким же смирением, как и предыдущей, приспособляясь лишь к новым требованиям и условиям. Во всем этом сквозило, что репрессии и безразличие были главным основанием для управления ими, что большевистская власть великолепно и учитывала. Разговоры при этих остановках, конечно, были самые разнообразные, касаясь все же почти исключительно условий жизни деревни.

В одном из сел, примерно верстах в 40—50 от Казани, я взял в руки хрестоматию, принесенную из школы 12-летним мальчиком, сыном хозяина избы нашего ночлега. Это оказалась книга издания 1912 года, где на первой странице был перечислен состав царствующего дома. Тут же зашел разговор и о местной церкви. Оказалось, что красные как-то в течение зимы хотели взять на учет церковное имущество, с намерением часть его куда-то вывезти, но крестьяне сходом вынесли приговор о протесте, послали в город депутацию и в результате защитили священника и не подверглись репрессиям.